

иркутские адвокаты, в кругу которых эсеровство служило выражением свободомыслия и прогрессивности, подобно тому, как в Европейской России показателем передовых взглядов адвоката была его принадлежность к партии Народной Свободы. Симпатии к эсерам можно было заметить также среди местной еврейской буржуазии.

Само собой разумеется, это доморощенное эсеровство было не первого качества, но все же в местной общественности установилось отношение к ссыльным эсерам, как к своим, а к эсдекам — как к чужим.

Что касается до с.-д. части ссылки, то у нас были, главным образом, связи с теми кругами, которые не входили в понятие городского «общества», — с рабочими и приказчиками. Но эти связи не могли оправдать, в глазах местной интеллигенции, то пренебрежение, с которым третиrowали мы не связанные с нами, «обывательские» круги.

Вообще, если эсеры в Иркутске сливались с обывательской средой, то эсдеки держались по отношению к этой среде с раздражавшим ее высокомерием. В частности, и на «областничество» мы смотрели свысока, и к местным газетам относились, как к не стоящим внимания провинциальным листкам.

* * *

Вдохновителем и руководителем социал-демократических выступлений в Иркутске был Н. А. Рожков. Я должен сказать здесь о нем несколько слов.

Рожков — человек больших знаний, больших научных запросов. Он постоянно читает, следит за наукой, жадно бросается на изучение каждого нового вопроса. В глуши ссылки он копается в местных, всеми забытых архивах. Год спустя он с таким же интересом принимается за вопрос о формах землевладения в Сибири или увлекается вычислениями будущего грузооборота проектируемой железной дороги. Без работы он не остается ни одного дня.

Вместе с тем, это — человек чуждый педантизма, простой, общительный, жизнерадостный, любящий посмеяться и посмеяться товарищей, и пользующийся для этого неистощимым запасом скабрёзных анекдотов.

Маленький, кругленький, румяный, как наливное яблоко, с глазами щелками, с прыгающим пенсне над трясущимся от смеха носом, в засаленном пиджаке — таким был профессор Н. А. Рожков в Иркутске.

Работать с ним было приятно. От него веяло общественным идеализмом и воистину неистощимой энергией.

Но при непреодолимой страсти к политике, политиком он был из рук вон слабым: о чем ни говорил он, в нем чувствовался образованный, умный человек, но стоило ему заговорить о политике, — и это впечатление рассеивалось. Как то, в пылу полемики, Мартов назвал его «головотяпом». Это определение не было лишено остроумия: Рожков, действительно, склонен был «тяпать», и никогда по ходу его мысли нельзя было предугадать, «тяпнет» ли он в сторону самого свирепого большевизма или в сторону крайнего ликвидаторства.

В провинциальном городке, каким был Иркутск, появление Рожкова было целым событием. Он расшевелил публику, создал вокруг себя определенную атмосферу...

Роль его была в этом отношении почтенная.

Но, увы, в политике он оставался м-ром Пиквином. Почти все его начинания оканчивались каким нибудь скандалом. Это не значит, что Н. А. Рожков любил скандалить, — нет, он лично был уступчив и незлобив, как голубь. Но так как голубиная кротость не сочеталась у него, в вопросах политики, со змеиной мудростью, то он часто попадал не в ту дверь, и общественная деятельность его напоминала американскую фильму с нагромождением несжиданных столкновений, потасовок и нелепых положений.

Кажется, Рожков сам привык к тому, что судьба преследует его начинания: он принимал сыпавшиеся на